

Некрасов Николай Алексеевич

Стихотворения Н. А. Некрасов

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Н63

Н63 **Николай Алексеевич Н.**
Стихотворения Н. А. Некрасов / Некрасов Николай Алексеевич – М.: Книга по Требованию, 2025. – 466 с.

ISBN 978-5-519-98918-3

ISBN 978-5-519-98918-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Посмертное изданіе, вышедшее въ свѣтъ, въ февралѣ 1879 г., въ количествѣ 6000 экземпляровъ, разошлось менѣе, чѣмъ въ два года; осталось небольшое количество веленевыхъ экземпляровъ. Это изданіе состояло изъ четырехъ томовъ, съ примѣчаніями. Въ настоящемъ компактномъ изданіи, всѣ четыре тома стихотвореній соединены вмѣстѣ, исключая примѣчаній къ нимъ,—а біографическія свѣдѣнія помѣщены въ сокращеніи. Стихотворенія размѣщены въ томъ же хронологическомъ порядкѣ, съ раздѣленіемъ ихъ на тѣ же два отдѣла, изъ которыхъ главный обнимаетъ собою первые три тома посмертнаго изданія, а второй—образуетъ „Приложенія“, помѣщаемыя нынѣ въ концѣ тома. Кромѣ общаго содержанія въ хронологическомъ порядкѣ, новое изданіе снабжено двумя указателями: предметнымъ и алфавитнымъ. Какъ и посмертное въ четырехъ томахъ, оно можетъ быть названо полнымъ только въ томъ смыслѣ, что въ него вошло все, что поэтъ самъ допустилъ въ послѣднее собраніе своихъ стихотвореній 1873 года, и что явилось въ „Послѣднихъ Пѣсняхъ“ 1877 года. С. И. Пономаревъ, составившій примѣчанія къ посмертному изданію, прибавилъ къ этому только тѣ, впрочемъ, немногія стихотворенія, которыя, видимо, были опущены авторомъ по забывчивости, и на которыя онъ однако сдѣлалъ указаніе въ своихъ бумагахъ; кромѣ того, приведены всѣ стихотворенія, появлявшіяся въ періодическихъ изданіяхъ непосредственно послѣ смерти Некрасова, въ теченіе всего 1878 года. Но въ настоящемъ изданіи сдѣлано два отступленія отъ прежняго порядка, а именно: въ стихотвореніи „Уныніе“ и въ траги-комедіи „Герои времени“, нѣсколько строфъ, отнесенныхъ въ посмертномъ изданіи въ примѣчанія, возстановлены въ самомъ текстѣ,—и одно значительное дополненіе: къ поэмѣ „Кому на Руси жить хорошо“ присоединена новая глава, не вошедшая въ посмертное изданіе и изданная только на-дняхъ въ февральской книгѣ „Отечественныхъ Записокъ“.

Повтореніе посмертнаго изданія въ полномъ его составѣ, какъ бы то ни было желательно, потребовало бы много времени для его пересмотра и дополненій; но и такое повтореніе не сдѣлало бы излишнимъ, рядомъ съ нимъ, сдѣлать общедоступное изданіе одного полнаго текста стихотвореній Некрасова, — и настоящее изданіе имѣетъ въ виду прежде всего именно такую общедоступность.

БЮГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Николай Алексѣевичъ Некрасовъ принадлежалъ къ помѣщичьему роду Ярославской губерніи, нѣкогда очень богатому, но впослѣдствіи обѣднѣвшему. Отецъ поэта, Алексѣй Сергѣевичъ, служилъ въ арміи. Большую часть своей службы онъ состоялъ въ адъютантскихъ должностяхъ, которыя соединялись съ постоянными разъѣздами, такъ что Алексѣй Сергѣевичъ очень часто бывалъ то въ Кіевѣ, то въ Одессѣ, то въ Варшавѣ. По однимъ извѣстіямъ, въ Варшавѣ, а по другимъ въ Херсонской губерніи, онъ случайно познакомился съ семействомъ богатаго польскаго магната Андрея Закревскаго и женился на старшей дочери его Александрѣ Андреевнѣ, противъ воли родителей. Жизнь изнѣженной и привыкшей къ роскоши польской панни съ перваго же дня потянулася среди всякаго рода лишеній и дразгъ походной армейской жизни. Пространствовавъ еще нѣсколько лѣтъ съ полкомъ, дослужившись до чина капитана, Алексѣй Сергѣевичъ вышелъ въ отставку и поселился съ семействомъ въ родовомъ своемъ имѣніи Ярославской губерніи и уѣзда, въ сельцѣ Грешневѣ, на почтовомъ трактѣ, по Владимірской дорогѣ.

Николай Алексѣевичъ родился еще во время походной жизни отца, въ 1821 году 22 ноября, въ подольской губерніи, въ Винницкомъ уѣздѣ, въ какомъ-то еврейскомъ

мѣстечкѣ. Онъ очень рано началъ помнить себя.

Но не веселыя картины дѣтства сохранились въ этой, такъ рано пробудившейся памяти. Въ нѣкоторыхъ своихъ стихотвореніяхъ Н. А. Некрасовъ даетъ намъ ясное представленіе о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ имъ изъ родительскаго дома. Такъ, лирическое стихотвореніе: «Родина», всецѣло посвящено печальнымъ воспоминаніямъ дѣтства. Въ поэмѣ «Несчастные» подобныя же дѣтскія воспоминанія рисуются еще въ болѣе подробныхъ и рѣзкихъ чертахъ.

Началомъ своего умственнаго развитія Некрасовъ былъ обязанъ матери. Рано, съ семилѣтняго возраста, началъ мальчикъ писать стихи, и у матери его сохранились первыя его безсвязныя младенческія вирши, начинавшіяся такъ:

Любезна маменька, примите
Сей слабый трудъ
И рассмотрите,
Годится ли куда-нибудь.

Что же касается первоначальнаго обученія, то имъ занимались съ дѣтьми наемные учителя изъ ярославскихъ семинаристовъ, а въ 1832 году Н. А. Некрасовъ былъ опредѣленъ въ ярославскую гимназію. Изъ-подъ суроваго гнета родительскаго дома одиннадцатилѣтній мальчикъ попалъ

вдругъ на безграничную свободу почти выполнѣ самостоятельной жизни.

Ученіе шло при этомъ, разумѣется, не завидно. Особенно не удавались Н. А. Некрасову древніе языки. Однакожъ, все-таки въ теченіи шести лѣтъ онъ дотянулъ кое-какъ до 5-го класса. По всей вѣроятности, онъ прошелъ бы и весь курсъ, но, къ несчастію, примѣшались весьма натянутыя отношенія къ начальству. Продолжая неуклонно писать стихи, Н. А. Некрасовъ, между прочимъ, написалъ нѣсколько шуточныхъ и скабрѣзныхъ сатиръ на товарищей и на гимназическое начальство. Сатиры эти съ восторгомъ читались и заучивались наизусть товарищами, но когда, наконецъ, дошли онѣ до начальства, оставаться долѣе въ гимназіи было немыслимо.

Отецъ Некрасова, послѣ неудачи сына въ гимназіи, рѣшился послать его, въ 1839 г., доканчивать ученіе въ Петербургъ въ дворянскій полкъ (одинъ изъ тогдашнихъ корпусовъ, бывшій на Петербургской сторонѣ). Этимъ исполнялось всегдашнее желаніе его, чтобы сынъ шелъ по его пути въ военную службу. И вотъ, съ родительскимъ письмомъ отъ пріятеля отца, ярославскаго прокурора Полозова, къ начальнику III округа корпуса жандармовъ, генералу Полозову, и вмѣстѣ съ тѣмъ съ тетрадкою стиховъ, отправился 15-лѣтній мальчикъ одинъ-одинехонекъ, скудно снабженный матеріальными средствами, изъ деревенской глуши въ омутъ столичной жизни.

Въ первые дни по прибытіи въ Петербургъ, Некрасовъ не покидалъ еще намѣренія поступить въ дворянскій полкъ, явился къ Полозову съ рекомендательнымъ письмомъ, былъ имъ представленъ Я. И. Ростовцову, и дѣло было почти рѣшено. Но случайная встрѣча съ ярославскимъ товарищемъ, студентомъ Андреемъ Глушицкимъ, перерѣшила всю судьбу юноши. Глушицкій вмѣстѣ съ двумя другими студен-

тами Ильенковымъ и Коссовымъ (впослѣдствіи извѣстными учеными технологами и заслуженными профессорами) начали отговаривать Некрасова отъ поступленія въ корпусъ и развивать передъ нимъ всѣ преимущества университетскаго образованія, и такъ увлекли его, что Некрасовъ рѣшился во что бы то ни стало идти въ университет. Остановка была за вступительными экзаменами, такъ какъ Некрасовъ былъ слабъ въ древнихъ языкахъ и въ математикѣ, но Глушицкій познакомилъ своего товарища съ профессоромъ духовной семинаріи Д. И. Успенскимъ, и они вдвоемъ взялись приготовить Некрасова въ университетъ. Тогда Некрасовъ сообщилъ Полозовымъ о своемъ намѣреніи промѣнять дворянскій полкъ на университетъ. Они одобрили это намѣреніе и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщили о томъ въ Ярославль своему родственнику. Когда, наконецъ, узналъ объ этомъ отецъ Некрасова, онъ воспылалъ сильнымъ гнѣвомъ на ослушнаго сына и отписалъ ему, что если онъ не отложитъ своего намѣренія идти въ университетъ и не покорится родительской волѣ, то пусть онъ впредь не разсчитываетъ ни на одну копѣйку родительской помощи, а существуетъ—какъ и чѣмъ знаетъ.

Такимъ образомъ, шестнадцатилѣтній мальчикъ очутился безъ всякихъ средствъ къ жизни и безъ всякаго положенія съ 150 рублями въ карманѣ и съ паспортомъ «недоросля изъ дворянъ», по которому Н. А. Некрасовъ жилъ до конца своихъ дней.

Онъ поселился съ какимъ-то неизвѣстнымъ товарищемъ по университету на Малой-Охтѣ. Довольствоваться имъ приходилось очень немногимъ: у сожителя былъ еще крѣпостной мальчикъ, приставленный къ нему родителями—и они не могли тратить болѣе 15 коп. на троихъ на обѣдъ, который брали изъ какой-то ужасающей кухмистерской. Пріятныя, должно быть,

впечатлѣнія оставили на себѣ эти пятнадцати-копѣечные обѣды на троихъ, когда Некрасовъ, будучи уже на смертномъ одрѣ, серьезно говорилъ, что именно этимъ обѣдамъ онъ былъ обязанъ зародышемъ той болѣзни, которая сводила его, 40 лѣтъ спустя, въ гробъ. Потомъ Некрасовъ перешелъ къ профессору Успенскому, у котораго ему было все-таки немного посылтѣе, хотя и довольно иногда беспокоино. Это былъ человѣкъ добрый и очень усердно занимался со своимъ ученикомъ классическими языками.

Пришелъ экзаменъ. Приготовленіе Успенскаго оказалось такимъ успѣшнымъ, что извѣстный тогда профессоръ римской словесности Фрейтагъ, очень требовательный латинистъ, поставилъ ему на приѣмномъ экзаменѣ изъ латинскаго языка — 5 «съ плюсомъ»; «но въ физическихъ наукахъ,— читаемъ мы въ біографіи при «Русской Библіотекѣ», т. VII, г. Стасюлевича, — самъ почтенный филологъ Успенскій былъ слабъ, и это отразилось роковымъ образомъ на его ученикѣ: Некрасовъ чувствовалъ, что изъ физики онъ не можетъ получить отмѣтки выше единицы. Это бы еще ничего, такъ какъ одна единица въ то время не была препятствіемъ къ поступленію въ университетъ; но бѣда заключалась въ томъ, что льготная единица была уже приобретена на экзаменѣ изъ географіи у профессора Касторскаго.

«Въ виду такого печальнаго обстоятельства, Некрасовъ рѣшился явиться къ ректору П. А. Плетневу и откровенно высказать ему свое положеніе: онъ противъ воли отца поступаетъ въ университетъ — и теперь, если его не примутъ въ число студентовъ, его положеніе будетъ отчаянное. Плетневъ справился о прочихъ отмѣткахъ, отлично рекомендовавшихъ юношу, желавшаго притомъ поступить на философскій факультетъ (нынѣ — историко-филологиче-

скій), и обнадежилъ Некрасова обѣщаніемъ ходатайствовать за него въ совѣтъ. На основаніи этого обѣщанія, Некрасовъ всеѣмъ не явился на экзаменъ изъ физики, и вслѣдствіе того въ совѣтѣ о немъ не было и рѣчи. Потому же и Плетневъ не вспомнилъ о немъ, по послѣ, при свиданіи, убѣждалъ его все-таки не оставлять университета и поступить вольнослушателемъ. Некрасовъ сначала не рѣшался. Нѣсколько дней спустя, на старомъ исаакіевскомъ мосту онъ видитъ, что кто-то догоняетъ и идетъ съ нимъ рядомъ, всматриваясь въ него. Это былъ Плетневъ. Онъ снова сталъ убѣждать его, и Некрасовъ подалъ прошеніе. Такъ началась университетская жизнь Некрасова, продолжавшаяся въ теченіи 1839—1841 годовъ».

Матеріальное положеніе Некрасова во все это время было самое отчаянное: приходилось пробиваться кое-какъ грошовыми уроками и случайными журнальными работами, которыя не всегда были подъ рукою. «Ровно три года,—говорилъ Некрасовъ,— я чувствовалъ себя постоянно, каждый день, голоднымъ. Приходилось ѣсть не только плохо, не только въ проголодь, но и не каждый день. Не разъ доходило до того, что я отправлялся въ одинъ ресторапъ въ Морской, гдѣ дозволяли читать газеты, хотя бы ничего не спросилъ себѣ. Возьмешь, бывало, для виду газету, а самъ пододвинешь къ себѣ тарелку съ хлѣбомъ и ѣшь»... Силы Некрасова постоянно надрывались, и, наконецъ, онъ сильно заболѣлъ. Доктора объяснили причину болѣзни продолжительнымъ голоданіемъ и приговорили уже его къ смерти. Однакоже, молодой и крѣпкій организмъ вынесъ болѣзнь, оставившую все-таки, по убѣжденію Некрасова, свои слѣды на всю жизнь его.

Нужно ли говорить о томъ, что матеріальное положеніе, и безъ того незавидное, было окончательно подорвано этою

болѣзнію. Приходилось пользоваться милостію квартирныхъ хозяевъ, какого-то отставного унтеръ-офицера и его жены, у которыхъ онъ нанималъ комнату на Разъѣзжей-Улицѣ. Задолжалъ имъ Некрасовъ во время болѣзни рублей сорокъ. «Хозяинъ,—разсказываетъ онъ,—еще пичего, но хозяйка сильно беспокоилась, что я умру и деньги пропадутъ. За перегородкою постоянно слышались разговоры по этому поводу. Наконецъ, въ одинъ прекрасный день, ко мнѣ явился хозяинъ, объяснилъ свои опасенія съ полною откровенностію и просилъ меня написать ему росписку въ томъ, что я оставляю ему за долгъ свой чемоданъ, книги и остальные вещишки. Я написалъ. Думаю: чего добраго, не стануть и хоронить, да и люди они были дѣйствительно бѣдные. Черезъ нѣсколько времени мнѣ стало, однако, лучше, и я вскорѣ настолько уже оправился, что рѣшился пойти съ Разъѣзжей на Выборгскую-Сторону, къ одному знакомому студенту-медику. Добравшись кое-какъ до него, я тамъ засидѣлся до поздняго вечера. Возвращаясь ночью домой, сильно прозябъ, такъ какъ на мнѣ было холодное пальтишко, а дѣло было осенью—въ октябрѣ или ноябрѣ. Прихожу къ дверямъ, звоню разъ, другой... Не пускають, говорятъ, что въ моей комнатѣ поселился уже другой жилецъ. Что же касается до моего долга, то хозяева считаютъ себя вполне удовлетворенными моимъ имуществомъ, которое я имъ отдалъ за долгъ, въ чемъ и выдалъ росписку. Скверно стало мнѣ. Я остался одинъ на улицѣ, остался безъ ничего, въ плохомъ пальтишкѣ въ осеннюю холодную ночь. Побрелъ я, куда глаза глядятъ, не сознавая куда и зачѣмъ, пробрался на Невскій и сѣлъ тамъ на скамеечку, какія выставляются у ресторановъ для посѣтителей. Прозябъ. Чувствовалъ сильную усталость и упадокъ силъ. Наконецъ, уснулъ. Разбудилъ меня какой-то

старикъ, оказавшійся нищимъ, который, проходя мимо, сжалился надо мною и пригласилъ меня съ собою куда-то ночевать. Я пошелъ. Пришли на Васильевскій Островъ, въ 15-ю линію. Тамъ, въ самомъ концѣ улицы, стоялъ деревянный, полуразвалившийся домикъ, въ который мы и вошли. Въ домѣ оказалось много народу. Все это были нищіе, которые собирались здѣсь ночевать. Не помню я всѣхъ разговоровъ, которые велись здѣсь, помню только, что я написалъ кому-то прошеніе и получилъ за это 15 коп.».

Замѣчательно, что тутъ же, почти рядомъ съ такою страшною нищетою, голодомъ и трупобными сценами притона нищеты, Н. А. Некрасовъ видалъ передъ собою картины сытой и праздною роскоши и даже самъ порою участвовалъ въ ея утонченныхъ пирахъ. «Въ тѣ времена,—читаемъ мы въ вышеупомянутой біографіи «Русской Библіотеки»,—преимущественно въ университетѣ сосредоточивалась молодежь изъ знати, и университетскіе товарищескіе кружки смѣшивали въ себѣ всѣ состоянія и званія. Бѣдный молодой чело-вѣкъ, съ бюджетомъ чуть не въ нѣсколько копѣекъ въ день, легко сближался съ юношами выпшихъ и богатыхъ классовъ,—и не только сближался, но, благодаря своимъ личнымъ талантамъ, способностямъ и веселому характеру, могъ даже первенствовать между ними; на студенческихъ собраніяхъ и пирушкахъ, устраиваемыхъ въ то время на подобіе нѣмецкихъ кнейповъ и коммершей, предводительствовалъ не тотъ, кто знатнѣе всѣхъ, но кто лучше дрался на эспадронахъ и рапирѣ, кто былъ мужественнѣе и физически ловче. Въ такихъ-то веселыхъ и разгульных товарищескихъ кружкахъ внезапно очутился провинціальный юноша, взрослый въ деревнѣ, и тутъ-то ознакомился впервые съ обыденною жизнію и правами другихъ общественныхъ

классовъ, которые безъ университетской жизни остались бы ему извѣстными только по слухамъ. Эта новая обстановка, какъ и прежняя деревенская, не осталась безъ вліянія въ будущемъ на поэзію Некрасова и на самый его характеръ, а также и на условія дальнѣйшей жизни: завязанныя имъ тогда связи сохранились и впослѣдствіи; недостатки и слабая сторона жизни вышшихъ общественныхъ слоевъ стали ему знакомы изъ первыхъ рукъ — и хорошо знакомы».

При такой тяжелой борьбѣ за существованіе, Некрасову, конечно, нечего было и думать о правильномъ развитіи таланта путемъ свободнаго и несрочнаго творчества. Онъ долженъ былъ приняться почти сряду по пріѣздѣ въ Петербургъ (15-ти лѣтъ) за черныи литературный трудъ въ видѣ разныхъ срочныхъ журнальных работъ, наворачивавшихся ему случайно. Работалъ онъ такимъ образомъ и въ «Литературныхъ прибавленіяхъ» къ «Инвалиду», и въ «Литературной Газетѣ» А. Краевского, и въ «Сынѣ Отечества» Н. А. Полевого, съ которымъ познакомилъ его какой-то профессоръ университета, и въ «Пантеонѣ», и въ «Отечественныхъ Запискахъ»; писалъ водевили для Александринскаго театра, былъ поставщикомъ у книгопродавца Полякова азбукъ и сказокъ по его заказу (такова, напримѣръ, сказка «Баба-Яга», лѣтъ черезъ тридцать вновь изданная по какому-то праву г. Печаткинымъ съ громкимъ именемъ автора). Такимъ образомъ, по собственнымъ его словамъ, онъ написалъ въ своей жизни до 300 печатныхъ листовъ прозы. Отъ этой массы написаннаго особенно большая доля выпала на рецензіи. «Разбирать приходилось, — рассказывалъ Николай Алексѣевичъ, — всякія книги, какія только попадались подъ руки, не однѣ художественныя, но подѣ-часъ и самыя ученныя. Собственныхъ-то благопріобрѣтенныхъ знаній на это,

конечно, не хватало: за то выручала публичная бібліотека. Пойдешь туда, подымешь всю ученость по предмету книги, ну, и ничего, сходило съ рукъ».

Особенно помогъ ему встать на ноги и избавиться отъ крайпостей нищеты Григорій Францовичъ Бенецкій, бывшій тогда наставникомъ-наблюдателемъ въ пажемскомъ корпусѣ и преподавателемъ въ дворянскомъ полку. Гдѣ и какъ познакомился съ нимъ Некрасовъ — неизвѣстно. Это былъ очень хорошій человекъ, судя по словамъ Некрасова, и послѣдній всегда вспоминалъ о немъ съ любовью и уваженіемъ. Онъ содержалъ что-то въ родѣ приготовительнаго пансіона для поступающихъ въ пажескій корпусъ или дворянскій полкъ и предоставилъ Н. А. Некрасову занятія при этомъ пансіонѣ по всемъ русскимъ предметамъ. Это избавило юношу, по крайней мѣрѣ, отъ прелестей ночлеговъ подъ открытымъ небомъ. Бенецкому же былъ обязанъ Некрасовъ и появленіемъ изданія своихъ дѣтскихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ: «Мечты и Звуки». Матеріальное положеніе его въ 1840 году вообще настолько уже улучшилось, что онъ могъ даже скопить нѣсколько деньжонокъ для этого изданія. Но онъ все-таки, по всей вѣроятности, не рѣшился бы на это дѣло, если бы его не склонилъ къ тому Бенецкій, обязавшись продать по билетамъ заранее рублей на 500. Принявшись за изданіе, Некрасовъ все-таки колебался, и на него нашло однажды такое раздумье, что онъ готовъ былъ отказаться отъ дѣла; но было уже поздно: Бенецкій успѣлъ продать до сотни билетовъ, и деньги были прожиты. Какъ тутъ быть? Въ раздумьи Н. А. Некрасовъ рѣшился пойти за совѣтомъ къ Жуковскому. «Меня принялъ, — рассказывалъ Некрасовъ, — сѣденькій, согнутый старичокъ, взялъ книгу и велѣлъ придти черезъ нѣсколько дней. Когда я пришелъ, онъ похвалилъ одно изъ этихъ стихотво-

реній, сказалъ, что у меня есть талантъ, но къ этому прибавилъ:

— Вы потомъ пожалѣете, если выпустите эту книгу.

Я сказалъ ему на это, что теперь уже поздно, и объяснилъ почему.

Тогда снимите съ книги ваше имя, — посоветовалъ Жуковскій».

Некрасовъ послушался этого совѣта, и книжка вышла лишь съ заглавными буквами его фамилии Н. Н.

Съ 1841 по 1845 годъ, слѣдуетъ періодъ жизни Некрасова, — самый темный въ біографическомъ отношеніи. Это былъ важнѣйшій періодъ во всей его жизни, потому что въ продолженіи его окончательно сформировались всѣ его и умственные, и нравственные силы, и подъ конецъ его онъ является уже передъ нами такимъ, какимъ оставался почти неизмѣнно во всю свою послѣдующую жизнь. Въ это время, продолжая жить литературнымъ трудомъ, онъ вращался въ самыхъ разнообразныхъ кружкахъ, великосвѣтскихъ, чиновныхъ, литературныхъ, театральныхъ, студенческихъ и пр. Къ этому же времени относится и знакомство его съ кружкомъ Бѣлинскаго, который, безъ сомнѣнія, и былъ главнымъ двигателемъ умственного развитія Некрасова и виновникомъ переворота, опредѣлившаго всю дальнѣйшую литературную дѣятельность его.

«Въ началѣ 40-хъ годовъ, — говоритъ объ этомъ И. Панаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ, — къ числу сотрудниковъ «Отечественныхъ Записокъ» присоединился Некрасовъ; нѣкоторые его рецензіи обратили на него вниманіе Бѣлинскаго, и онъ познакомился съ нимъ.

«Литературная дѣятельность Некрасова до того времени не представляла ничего особеннаго. Бѣлинскій полагалъ, что Некрасовъ навсегда останется не болѣе, какъ полезнымъ журнальнымъ сотрудникомъ,

но когда онъ прочелъ ему свое стихотвореніе: «На дорогѣ», у Бѣлинскаго засверкали глаза, онъ бросился къ Некрасову, обнялъ его и сказалъ чуть не со слезами на глазахъ:

— «Да знаете-ли вы, что вы поэтъ — и поэтъ истинный?»

«Съ этой минуты Некрасовъ еще болѣе возвысился въ глазахъ его... Его стихотвореніе: «Къ Родинѣ», привело Бѣлинскаго въ восторгъ. Онъ выучилъ его наизусть и послалъ его въ Москву къ своимъ пріятелямъ... У Бѣлинскаго были эпохи, какъ и уже говорилъ, когда онъ особенно увлекался кѣмъ-нибудь изъ своихъ друзей... Въ эту эпоху онъ былъ увлеченъ Некрасовымъ и только и говорилъ о немъ. Некрасовъ съ этихъ поръ сдѣлался постояннымъ членомъ нашего кружка».

Журнальную дѣятельность Некрасова, начиная съ основанія «Современника», можно раздѣлить на три періода: первый періодъ — отъ 1847 по 1855 годъ — представляется самой тяжелой эпохой, какъ въ его журнальной дѣятельности, такъ и вообще въ жизни. Бѣлинскій умеръ въ 1848 году. Наступилъ періодъ реакціи, ударившейся въ панику подъ впечатлѣніемъ европейскихъ событій 1848 года. Ко всему этому присоединилась тяжкая болѣзнь, которая была слѣдствіемъ частію ненормальной жизни въ молодости, частію неустанной, изнурительной работы, такъ какъ въ это время весь журналъ лежалъ на его плечахъ. Это была упорная, неподдавшаяся никакимъ леченіямъ болѣзнь горловыхъ органовъ. Лучшіе доктора русскіе и иностранные опредѣлили горловую чахотку и присудили его къ неизбежной смерти. Видя передъ собою приближеніе могилы, поэтъ, какъ это было и въ послѣдствіи лѣтъ черезъ двадцать, началъ писать свои послѣднія пѣсни:

Дума мрачна, мечты мои упыли,
Грядущее рисуется темпо.
Привычки, прежде милыя, постыли
И горекъ дымъ сигары. Рѣшено!
Не ты горька, любимая подруга
Ночныхъ трудовъ и одинокихъ думъ—
Мой жребій горекъ. Жаднаго недуга
Я не избѣгъ. Еще мой свѣтель умъ,
Еще въ надеждѣ глухой и послушной
Не ищетъ онъ отрады малодушной,
Я вижу все... А рано смерть идетъ,
И жизни жаль мучительно. Я молодъ,
Теперь поменьше мелочныхъ заботъ,
И рѣже въ дверь мою стучится голодъ;
Теперь бы могъ я сдѣлать что-нибудь.
Но поздно!... И т. д.

Въ сущности же, было не только не поздно, но, напротивъ того, рано: настоящая дѣятельность Некрасова, наиболѣе благотворная и широкая, предстояла ему еще впереди. Какъ ни мрачны были тучи, со всѣхъ сторонъ сгустившіяся надъ его головою, и какъ ни казалось, что и конца имъ не будетъ, что его ждетъ впереди одна неминуемая гибель, но вдругъ повѣяло отраднымъ тепломъ, тучи разсѣялись, засіяло солнышко, бури какъ не бывало, и новою жизнью и энергіею преисполнился совсѣмъ-было увядшій поэтъ. Во-первыхъ, болѣзнь вовсе не оказалась такою смертельною, какъ предрекли медики. Профессоръ медико-хирургической академіи Шипулинскій опредѣлилъ ее совсѣмъ иначе и предписалъ сообразно своему опредѣленію лечение, шедшее въ полный разрѣзъ со всѣми мнѣніями знаменитостей, и выздоровленіе Некрасова, тщетно проводшаго передъ тѣмъ зиму въ Римѣ и зябнувшего тамъ немилосердно въ холодныхъ отеляхъ, пошло такъ быстро, что вскорѣ отъ мнимой чахотки не осталось и слѣда, кромѣ нѣкоторой слабости голоса. А затѣмъ кончилась крымская война, началась эпоха либерализма и реформъ. «Современникъ» ожилъ: къ нему начали приливать новыя могучія литературныя силы, и ко-

личество подписчиковъ съ каждымъ годомъ начало возрастать тысячами.

Здѣсь начинается второй періодъ журнальной дѣятельности Некрасова, который слѣдуетъ считать съ 1856 по 1866 годъ. Это былъ періодъ наибольшаго развитія силъ и дѣятельности Некрасова. Умственный и нравственный горизонтъ поэта значительно раздвинулся подъ вліяніемъ того сильнаго движенія, какое началось въ обществѣ, и тѣхъ новыхъ людей, которые окружили его. Прежніе идеалы отгѣсняются новыми, и, подобно тому, какъ Бѣлинскій не любилъ, когда ему напоминали объ его прежнихъ статьяхъ, въ родѣ «Бородинской годовщины» или «Менцеля», такъ и Некрасовъ неохотно потомъ вспоминалъ о грѣхахъ своей молодости, въ родѣ «Трехъ странъ свѣта». Это просвѣтленіе отразилось и въ творчествѣ поэта. Изъ прежде горячаго, но крайне неопредѣленнаго протеста противъ пошлости, насилия, рабства и всяческаго угнетенія, онъ теперь обращается въ пѣвца народнаго горя—въ широкомъ и глубокомъ, но вполне опредѣленномъ смыслѣ. Все лучшее и наиболѣе сильное написано имъ въ этотъ второй періодъ его журнальной дѣятельности: «Размышленія у параднаго подъѣзда», «Морозъ Красный-носъ», «Коробейники», «Желѣзная дорога», «Крестьянскія дѣти» и проч. Въ то же время не перестаетъ онъ принимать дѣятельное участіе и въ изданіи журнала: и своимъ руководствомъ, и своими практическими совѣтами, и связями, и наконецъ, личными трудами. Такъ, между прочимъ, ему принадлежитъ мысль о приложеніи «Свистка» къ «Современнику». Мысль эта явилась у него еще во время пребыванія въ Римѣ въ 1856 году. Ему тамъ часто попадалась въ руки одна изъ мѣстныхъ сатирическихъ газетъ и, подъ впечатлѣніемъ ея, онъ вознамѣрился завести «Свистокъ» при «Совре-

менникъ». Въ «Свисткѣ» этомъ было помѣщено не мало его сатирическихъ куплетовъ, изъ которыхъ нѣкоторые вошли въ приложение ко 2-й части полного собранія его сочиненій. Между прочимъ, ему принадлежитъ «Дружеская переписка Москвы съ Петербургомъ», приписанная Добролюбову и напечатанная въ IV томѣ сочиненій Добролюбова (см. стр. 518, изд. 1871 г.). Добролюбовъ написалъ лишь одни примѣчанія къ этимъ куплетамъ. Въ то же время, и матеріальное благосостояніе Некрасова окончательно упрочилось лишь въ этотъ второй періодъ его жизни. Кромѣ успѣха «Современника», Некрасовъ не мало былъ обязанъ этимъ и изданію своихъ стихотвореній, которое было ему разрѣшено въ 1860 году, вслѣдствіе ходатайства графа А. В. А.

Прекращеніемъ «Современника», въ 1866 году, кончается второй періодъ журнальной дѣятельности Некрасова, и затѣмъ слѣдуютъ два года переходнаго состоянія, весьма тяжелаго. Съ 1868 года начинается третій періодъ, въ которомъ Некрасовъ является уже во главѣ «Отечественныхъ Записокъ», и періодъ этотъ длится до его смерти.

Въ эти послѣднія десять лѣтъ своей жизни, Некрасовъ былъ все также дѣятеленъ и бодръ духомъ, талантъ его стоялъ все на той же высотѣ, и творчество его ознаменовалось рядомъ произведеній, не уступающихъ прежнимъ — каковы: «Русскія женщины», «Кому на Руси жить хорошо» и проч.; но въ то же время физическія силы начали измѣнять ему съ каждымъ годомъ, онъ замѣтно старѣлъ, хилѣлъ, а въ послѣднія пять лѣтъ часто началъ и прихварывать.

Жизнь въ послѣдніе годы велъ онъ довольно однообразную. Зимы проводилъ въ своей городской квартирѣ, на Литейной, въ домѣ Краевского, въ которой онъ про-

жилъ лѣтъ двадцать. Зимой писалъ онъ весьма мало. Лѣтомъ уѣзжалъ или къ брату, въ ярославское имѣніе послѣдняго, или же въ Чудово, гдѣ онъ имѣлъ охотничью дачу. Тутъ-то обыкновенно, среди сельской обстановки и природы, и возбуждалось въ немъ поэтическое творчество, и рѣдкая осень обходилась безъ того, чтобы, по возвращеніи въ городъ, онъ не привозилъ чего-либо новаго, что читалъ обыкновенно друзьямъ и обрабатывалъ для печати, пока столичная жизнь не втягивала его въ свое колесо. Большое вліяніе на его творчество имѣла врожденная и унаслѣдованная отъ отца страсть къ охотѣ. Объ этомъ предметѣ вотъ какія свѣдѣнія сообщаетъ сестра покойнаго:

«Братъ мой всю жизнь любилъ охоту съ ружьемъ и лягавой собакой. Десяти лѣтъ, онъ убилъ утку на Пчельскомъ озерѣ. Былъ октябрь; окраины озера уже заволокло льдомъ; собака не шла въ воду. Онъ поплылъ самъ за уткой и досталъ ее. Это стоило ему горячки, но отъ охоты не отвадило. Отецъ бралъ его на свою псовую охоту, но онъ не любилъ ея. Приучили его къ верховой ѣздѣ очень оригинально и не особенно нѣжно. Онъ самъ рассказывалъ, что однажды восемнадцать разъ въ день упалъ съ лошади. Дѣло было зимой — мягко. За то послѣ всю жизнь онъ не боялся никакой лошади и смѣло садился на клячу и на бѣшенаго жеребца. Но ѣздить любилъ нагономъ и хорошо стрѣлялъ съ лошади.

«По мѣрѣ того, какъ средства его росли и онъ дѣлался самостоятельнымъ, онъ придавалъ охотѣ своей характеръ, по своему вкусу и своимъ планамъ. Охота была для него не одною забавою, но и средствомъ знакомиться съ народомъ. Каждое лѣто періодически повторялось одно и то же. Поработавъ нѣсколько дней, братъ начиналъ собираться. Это значило, подавали къ крыльцу простую телѣгу, которую на-